

Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века

Материалы Всероссийской
научно-общественной конференции

(Великий Новгород, 19–21 сентября 2012 г.)

ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОЙ
СЛАВЫ

Фонд Святого
Всехвального Апостола
Андрея Первозванного

Московский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Администрация
Новгородской области

Приветствия участникам конференции

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19 сентября 2012 г.

№ Пр-2451

Москва, Кремль

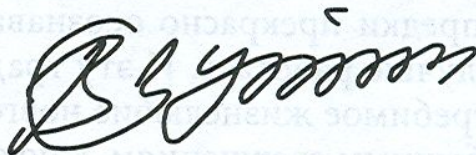
**Участникам, организаторам и гостям Всероссийской
научно-общественной конференции «Российская государственность:
исторические традиции и вызовы XXI века»**

Приветствую участников, организаторов и гостей конференции.

В этом году мы отмечаем большое, значимое событие — 1150-летие российской государственности. К этой юбилейной дате приурочена череда торжественных мероприятий, достойное место в которой — занимает ваш форум. Он собрал цвет российской интеллигенции, видных ученых, церковных иерархов, общественных деятелей и зарубежных гостей — для обсуждения широкого круга проблем отечественной истории, выработки общих подходов к оценке ее важнейших, ключевых моментов.

Убежден, что ваша конференция будет содействовать популяризации исторических знаний, воспитанию молодежи на основе ценностей патриотизма, гражданственности, уважительного отношения ко всем страницам и эпохам национальной истории. И конечно, такой серьезный, содержательный диалог будет в высшей степени полезен историкам-профессионалам. Он позволит им обменяться своими мыслями и идеями, накопленным исследовательским опытом, приобщиться к последним достижениям российской и мировой научной мысли.

Желаю вам плодотворной, конструктивной работы и всего наилучшего.

В. Путин

Проблемы укрепления российской государственности в работах представителей отечественной консервативной мысли

Репников А.В.

Консерватизм (от лат. *conservo* — сохраняю, охраняю) — понятие, означающее тип социально-политического и философского мировоззрения, носители которого выступают за сохранение традиционных основ общественной жизни. Как общественно-политическое течение он возник в конце XVIII века, как реакция на философию Нового времени и Французскую революцию²⁷². Для него было характерно признание приоритета монархического принципа правления, естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии²⁷³. Главной ценностью для консерваторов являлось религиозное начало, которое, согласно их воззрениям, придавало смысл существованию человеческой личности и мировой истории в целом. Консерватизму присущ культ церкви, армии²⁷⁴, школы

²⁷² Характерна полемика В.М. Межуева и М.В. Ремизова:

— Вы вопросы консерватизма рассматриваете только по отношению к Просвещению. Мне кажется, это не вся европейская история.

— ...Действительно, это не вся европейская история. Но это та ее часть, которая вызвала к жизни не просто консервативную реакцию, но более-менее полноценный идеологический консерватизм. Может быть, это некое клише, но я воспринимаю эпоху Просвещения и Французской революции как осевое время политических идеологий, как точку, из которой расходятся различные траектории // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного семинара. М., 2010. Вып. 3. С. 35.

²⁷³ «Консервативная идеология отстаивает принципы иерархичности социума, у истоков этой идеологии, безусловно, стоит Платон. Необходимость иерархии, развития полноценных сословий (власти, аристократии, ученого и культурного сословия, крестьянства, в современном обществе к этому надо прибавить сословие управленцев, менеджмента, бизнеса, научно-технической интеллигенции и т. д.) обеспечивает, с точки зрения Леонтьева, культурно-государственное развитие» // Корольков А.А. Апология «Законов» Платона: размышления по поводу консерватизма // Философия права. 2010. № 4. С. 8–12.

²⁷⁴ К.Н. Леонтьев воспевал «блаженное для жизненной поэзии время», когда идеалом мужчины был воин. С.Ф. Шарапов писал: «Наш национальный характер таков, что над нами должна быть всегда гроза. Скажите офицеру: командуйте и берите на себя всю ответственность: он будет счастлив, ибо воспитан в постоянной ответственности, жаждет самостоятельности и не боится за себя. Таков дух военного дела. Скажите монаху: иди и делай то-то. Он берет на себя ответственность, как "послушание". Скажите-ка чиновнику, чтобы он что-нибудь взял на свою ответственность, и он тотчас же струсит и спрячется» // Шарапов С.Ф. Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы»). 1. Самодержавие и Самоуправление (исследование). 2. О земщине и бюрократии (переписка С.Ф. Шарапова с кн. В.П. Мещерским). М., 1907. С. 55. Подробнее см.: Репников А.В. Русская армия глазами консерваторов // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 4. С. 9–16.

и семьи²⁷⁵, т. е. тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Большое внимание уделялось средствам массовой информации, которые оказывали влияние на общество и контролю за ними²⁷⁶. Консерватизм в России был явлением, во многом родственным западноевропейскому, поскольку его представители разделяли основные ценности, характерные для их единомышленников на Западе. Вместе с тем, идейное влияние западноевропейских консерваторов в России было относительно невелико²⁷⁷. Специфика консерватизма в России была обусловлена тем, что он представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в тот период был либерализм Александра I, западничество направленность русского дворянства и наполеоновская агрессия против Российской империи. Эти явления и события воспринимались консерваторами как угрозы, ведущие к разрушению устоев традиционного общества.

История становления отечественного консерватизма свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекста. На практике становление и развитие консервативной мысли оказалось довольно плюралистичным. Консерватизм не был универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов, хотя в нем и присутствовал стержень в виде влияния православной религии на все стороны жизни общества. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, сформировавшийся в силу географических особенностей и военных угроз со стороны Запада и Востока, требующих сплоченности от власти и народа. На всех этапах развития консерватизма в нем присутствовали элементы формулы «Православие. Самодержавие. Народность».

Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и элитарных кружков, хотя данное направление в целом, оказало влияние и на власть. Выполнение своих требований консерваторы переадресовывали главе государства, ориентируясь на верховную власть; использование имеющихся в ее наличии политических и административных рычагов. Большое значение в этом случае имело сравнение консерваторами тех или иных событий из истории России с современной им действи-

²⁷⁵ См.: Медолазов К.Л. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901–1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999.

²⁷⁶ См.: Кирютина Т.М. Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX в. С.Ф. Шарапов. Дис. канд. ист. наук. Смоленск, 2001; Панаэтов О.Г. С.Ф. Шарапов о прессе и проблема подбора кадров // Журналистика: историко-литературный контекст. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 79–83.

²⁷⁷ См.: Репников А.В., Минаков А.Ю. Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 6–18; Минаков А.Ю., Репников А.В., Чернавский М.Ю. Консерватизм в России // Новая Российская энциклопедия в 12 т. М., 2010. Т. VIII (2). С. 262–264.

тельностью. Они делали акцент на тех событиях прошлого, которые могли послужить примерами для их современников. Например, обращение к победе в Отечественной войне 1812 года должно было способствовать консолидации общества на основе того, что историки впоследствии назовут «коллективной памятью»²⁷⁸.

По мнению консерваторов, в идеале, верховным арбитром, стоящим над всеми сословиями, был самодержец. Государство не может строиться только на основе любви и согласия, но продуманная иерархическая система может ослабить «государево тягло», распределив его на все слои в обществе. Такая система превращается не в аппарат подавления свободы, а в регулятор требований, предъявляемых к каждому члену общества в зависимости от его положения. В этом случае, чем выше положение человека, тем выше его ответственность (не только служебная, но и нравственная).

Приверженцы «теории официальной народности» полагали, что самодержавная монархия воплощала собой самобытный тип государственного правления, отвечавший историческому своеобразию русского народа. С этим тезисом связано убеждение о необходимости решения возникающих проблем силами государственного аппарата и посредством исходящих от верховной власти распоряжений. Правительство рассматривалось как источник порядка, нравственности, общественной заботы, просвещения и культуры народа.

Представители славянофильского направления признавали главенство православия, отстаивали идею своеобразного пути развития России, превозносили особый характер социально-нравственных отношений людей внутри общины. Однако им был свойственен скорее традиционализм, а не консерватизм²⁷⁹. Славянофилы признавали необходимость введения свободы слова, печати, независимого и гласного суда, поддерживали принцип веротерпимости, выступали за права личности и общества. Приоритетное внимание они уделяли не государству, а развитию народных форм жизни.

В правление императора Александра III многие теоретические положения консерватизма находят воплощение в программе так называемых контрреформ. Император считался консерваторами воплощением качеств, необходимых, для идеального государя и его личность, как они полагали, могла служить примером для будущих самодержцев. В первом номере «Москов-

²⁷⁸ См.: Вишленкова Е.А. Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века // Консерватизм в России и мире. Сборник статей в 3-х частях. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 13–26; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Монография. Воронеж, 2011. Военные победы и в дальнейшем неоднократно использовались в качестве объединительного фактора. Некоторые историки отмечают, что скрепой, которая на фоне постепенно вырождавшейся официозной идеологии объединяла людей в последние десятилетия существования СССР, была Великая Отечественная война и связанная с ней героика.

²⁷⁹ См.: Линицкий П.И. Славянофильство и либерализм (западничество). Опыт систематического обозрения. М., 2012 (репринт издания 1882 года).

ских ведомостей» за 1897 год провозглашалось: «Государственные идеалы Александра III являются для России путеводной звездой»²⁸⁰. Подводя итоги царствования Александра III, Тихомиров представил этого императора как воплощение качеств, необходимых, по его мнению, для идеального государя, считая, что личность покойного императора могла бы послужить неким стандартом для будущих самодержцев. Тихомиров писал: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала... В последние годы своей недолгой жизни он уже победил все и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти»²⁸¹.

В условиях нарастания революционного движения (особенно в период деятельности организации «Народная воля») в среде консерваторов намечается стремление к организационному объединению. На рубеже XIX–XX вв. консерватизм стремится противостоять различным формам экстремизма.

В начале XX века происходит организационное и партийно-политическое оформление консервативных сил — возникают дворянские и всесословные политические структуры, союзы, партии. Наиболее ярким примером сплочения различных консервативных сил общества (дворянства, духовенства, чиновничества, широких слоев крестьянства) стало их идеологическое и организационное единение в ходе противодействия революции 1905–1907 гг. перед угрозой общей опасности. Власть в этот период поддержала эти силы, нуждаясь в них в качестве противовеса либералам и левым радикалам.

Манифест 17 октября 1905 года и создание Государственной думы поставили консерваторов в затруднительное положение. Парламент, политические партии и предвыборная борьба стали реальностью и многие мыслители начали трактовать создание Думы в традиционалистском ключе. Л.А. Тихомиров утверждал, что «Государственная Дума, по основной идее, пополняет важный пробел, доселе существовавший в наших учреждениях»²⁸².

Отношение консерваторов к политической и экономической модернизации было настороженным, что вытекало

- 1) из мировоззренческих установок, в значительной степени базировавшихся на религиозном (православном) миропонимании;
- 2) из негативного взгляда на процесс капитализации в целом.

По мнению таких консервативных мыслителей, как К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов, М.О. Меньшиков и др., спутниками прогресса и капитализации были буржуазно-либеральные идеи,

²⁸⁰ Наша программа // Московские ведомости. 1897. № 1. С. 3.

²⁸¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 526–527.

²⁸² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Сост., вступ. ст., комм. А.В. Репникова. М., 2010. С. 431. Взгляды Л.А. Тихомирова по данному вопросу подробно изложены в монографии: Милевский О.А., Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

охватывающие «верхи», и социалистические идеи, проникавшие в «низы». Однако, ошибочно считать консерваторов абсолютными ретроgrадами и противниками прогресса²⁸³. Публицист простоыпинской газеты «Россия» А.Н. Гурьев полагал, что «в реальной государственной практике отношения между консерватизмом и либерализмом, в сущности, напоминают собой отношения между мужским и женским полом: вечные ссоры и постоянная любовь», отмечая, что «либерализм идей и консерватизм действий — вот два принципа государственной архитектоники, взаимодействием которых создается прочная работа государственного строительства»²⁸⁴. Гурьев считал, что консерватизм в его правильном понимании не противен прогрессу, а только требует иного метода его осуществления.

Отстаивая эволюционный путь развития вместо революционного, М.О. Меншиков обращал внимание на то, что «прогресс в благородном понимании этого слова есть здоровое развитие — стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя не есть прогресс. Все живое растет очень медленно. Никакие органы не создаются по команде преобразователей. Только то прогрессивно, что жизненно и что дает наибольшее количество блага. Эволюция в природе вообще идет стихийным, а не катастрофическим путем: чрезвычайно осторожным нащупыванием условий и медленным их синтезом. Вот почему истинный национализм враждебен кровавым революциям»²⁸⁵. Не случайно пермский историк М.Н. Лукьянов отмечает, что «резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок — не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия переменам»²⁸⁶. Просто перемены консерваторы пытаются сделать управляемыми. «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло для течения общественной мысли и общественного чувства», писал по этому поводу С.Н. Сыромятников²⁸⁷. Прогресс в консервативной трактовке есть здоровое развитие — стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя это не прогресс, а революционные взрывы, слом человеческих

²⁸³ См. важную, на наш взгляд, для понимания этой проблемы статью: Раков В.П. К.П. Победоносцев в контексте политического модерна // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2. С. 75–99.

²⁸⁴ Цит. по: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 29.

²⁸⁵ Меншиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 312.

²⁸⁶ Лукьянов М.Н. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907–1914) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloквиума. СПб., 2003. С. 343–344.

²⁸⁷ Сыромятников С.Н. (Сигма) Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 73. Подробнее о его взглядах см.: Репников А.В., Соловьев К.А. Общественный человек Сигма. «Прогрессивный националист» Сергей Сыромятников // Родина. 2011. № 10. С. 115–120.

судеб, и трагедии. Все живое растет очень медленно. Истинный консерватизм враждебен революциям и любым формам экстремизма.

Для консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти, с которой напрямую связано то, что вплоть до конца XIX века они не стремились обеспечить оформление правовой доктрины самодержавия. Проблеме соотношения свободы личности и государственного принуждения консерваторы пытались снять за счет наличия религиозного фактора и одно из главных мест в системе контроля отводилось Русской православной церкви. В этом же ключе следует рассматривать деятельность по ужесточению цензурных ограничений, а также постоянное внимание к вопросам образования. Народ, по мнению консерваторов, не всегда может понять, что «хорошо», а что «плохо». Если же он это понимает, то не всегда выбирает «хорошее». Помочь может сильное государство, опирающееся на нравственные начала.

Уважение к власти и государству оценивались консерваторами как лучшие качества, присущие народу. «Искание над собой власти», по замечанию К.П. Победоносцева, представляет естественную психологическую черту людей. В период модернизации, когда происходившие изменения порождали в людях сомнения и неуверенность, власть должна была помочь им преодолеть революционные «соблазны». Детское состояние народной души — данность для консерваторов. Как ребенок доверяет родителям, так и народ должен довериться власти.

Сторонники укрепления самодержавия считались с реальностью начала XX века, когда модернизация породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям и признавали, что даже «правейшие из правых» не выступали за сохранение тех порядков, при которых возможны нарушения закона. Ими критиковалась только несвоевременность государственной ломки в период войны с Японией и революции.

Анализ воззрений консервативных идеологов показывает, что они не были «политическими страусами», осознавая проблемы, стоявшие перед страной, предлагая различные пути их решения; не приукрашивая реальность, в которой жили. Вместе с тем, консерваторы считали, что радикально-революционный вариант модернизации приведет к катастрофическим последствиям для страны.

Один из факторов успешного государственного строительства, по мнению К.Н. Леонтьева, состоял в приоритете общеимперского над национальным²⁸⁸. Доктрины о неравенстве рас и наций, были неприемлемы для русских консерваторов. Государство, по их мнению, должно строиться на

²⁸⁸ См.: Соколовский И. Константин Леонтьев о национализме // Ориентиры. 1991. № 2. Более подробный анализ дан в монографиях: Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012.

принципах самодержавия и православия, а не по этническому признаку, поскольку в случае ослабления государственности титульная нация, сколь могущественной она не была, неизбежно начнет клониться к закату. Леонтьев, несомненно, был более империалист, чем националист, и мыслил масштабными имперскими категориями, считая, что порой можно поступиться интересами нации во имя интересов государства. Отбросив славянофильский национализм, он дал имперской идее религиозно-философское обоснование. С ним был согласен Л.А. Тихомиров, который считал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества.

Консерваторы пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами и, радуя за сохранение принципиально-сущностных основ традиционной системы отношений, одновременно стараясь разработать и предложить целостную систему мер, позволяющих, по их мнению, осуществить плавный переход к новым социально-экономическим отношениям. Суть трансформационных перемен была четко сформулирована П.А. Столыпиным: «Нам нужна Великая Россия» в противовес «великим потрясениям», о которых говорили радикалы. Модернизация в России породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям. В условиях быстро меняющегося мира консерваторы стремились сделать акцент на обосновании преимуществ традиции, что, по их мнению, позволяло избежать «прерыва постепенности». При этом, «никто, даже правейшие из правых не стояли за сохранение порядков, при которых возможны были невероятные закононарушения всевозможных видов; указывалась ими только несвоевременность государственной ломки», — писал К.Н. Пасхалов²⁸⁹.

Некоторые современные исследователи не считают нужным обращать внимание на религиозную составляющую в построениях консерваторов, и высказывают сомнения (иногда обоснованные) в степени личной религиозности тех или иных мыслителей-монархистов²⁹⁰. С таким выводом сложно согласиться. Дело не в том, сколько раз в месяц ходили в церковь Победоносцев или Тихомиров и соблюдали ли они пост. Православие рассматривалось ими как важнейшая скрепа консервативной идеологии. Консерваторы видели и назревшие проблемы церковной жизни, предлагая адекватные пути их решения:

1. восстановление патриаршества²⁹¹;

²⁸⁹ Пасхалов К.Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения М., 1910. С. 5.

²⁹⁰ Так, современный критик консерватизма полагает, что нет смысла анализировать монархизм русских консерваторов «в контексте их религиозных верований», поскольку «“религиозность” является довольно пустым и ничего не объясняющим термином» // Суслов М.Д. Новейшая историография российского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты // *Ab Imperio*. 2008. № 1. С. 269–270.

²⁹¹ См. подробнее: Лобанова И.В. Восстановление патриаршества в восприятии православной иерархии России на рубеже XIX–XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Савиц-

2. освобождение церковной жизни от диктата государственной власти;
3. противодействие бюрократизации путем введения в церковное самоуправление мирского выборного начала;
4. усиление роли церковного прихода в жизни верующих;
5. сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на общей платформе борьбы с революционерами, сектантами, атеистами и пр.;
6. укрепление авторитета церкви в целом, и православного духовенства в частности.

Хотя консерватизм имел национально-религиозную окраску, мало кто из теоретиков этого течения задумывался о разработке доктрины русского национализма. Л.А. Тихомиров, посвятивший этой проблеме цикл статей, жаловался, что «в нынешнем национализме чувствуется скорее “слово”, чем “понятие”, и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея, в разных оттенках славянофильства, получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее, хотя слово “национализм” раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его “национализм”, — этого пока невозможно определить»²⁹². В то время, как для одних консерваторов истинно русским мог считаться только православный по вере, другие, наблюдая переход иноверцев в православие, призывали обращать внимание и на происхождение. Но в целом, национальный вопрос для русских консерваторов²⁹³ значил меньше, чем вероисповедальный.

Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» в начале XX в. уже не мог звучать с равным упором на всех трех составляющих, что, впрочем, не мешало монархическим партиям использовать его в программных документах и пропаганде. При этом консерваторы стремились не только (и не столько) к охране «внешней оболочки» традиционной России, но и к сохранению религиозно-нравственных принципов, предлагая различные варианты их развития в традиционалистском ключе. В условиях роста популярности и влияния неконсервативных идей требовались реальные доказательства того, что монархия, действительно составляет лучший вариант для России. «Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе наши начала, доказывать себе самим, что наши начала отличны от иноземных. Некоторые, не довольствуясь этим, хотят доказать, что они даже лучше иноземных...», — отмечал Д.А. Хомяков²⁹⁴. Происходившие в России

кая О. Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. (по материалам Саратовской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

²⁹² Тихомиров Л.А. Христианство и политика / Сост., пред., комм., прил. С.М. Сергеева. М., 1999. С. 164.

²⁹³ Но не для русских националистов (Н.Г. Дебольский, М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, И.А. Сикорский, В.В. Шульгин и др.).

²⁹⁴ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Минск, 1997. С. 96.

модернизационные изменения значительно опережали построения теоретиков консервативной мысли, хотевших выстроить обновленное здание российской государственности на старом фундаменте, не разрушая его «до основания», как предлагали сделать революционно настроенные левые радикалы.

Для консерваторов большое значение имело наличие сверхзадачи; идеи объединяющей власть и народ. Современный автор отмечает: «Либеральная политология полна попыток оскотить феномен власти, лишив ее той таинственной энергетики, которая обеспечивает реальные ответы жизни на импульсы, идущие от власти, сообщает ей притягательность, силу и вдохновение. Власть пытаются изобразить в сугубо институциональным ключе — как заведенный механизм, работающий независимо от человеческой воли, страстей и дерзаний. Но это профанация подлинного феномена власти»²⁹⁵. В результате общество видит только дуализм: «консерваторы — реформаторы», «свобода — принуждение», «анархия — диктатура», забывая, что «государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той реальной свободой лица...», — которая предполагает выбор между соблюдением закона и наказанием за его нарушение²⁹⁶. «Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно», — писал К.Н. Леонтьев²⁹⁷. Государство должно быть сильным: «надо крепить себя, меньше думать о благе и больше, о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо. А без силы разве оно придет?»²⁹⁸. Сила есть «существенно необходимый элемент всякого закона». Закон это «регулирующая сила, действующая на особых условиях, направленная к известной цели. Устранение закона силы никаким образом не устраняет элемента силы из закона, ибо в таком случае самый закон был бы разрушен»²⁹⁹.

Однако попытки воплотить систему консервативных взглядов на практике потерпели поражение. Еще при жизни идеологов консерватизма вокруг них (в первую очередь стараниями либеральной и революционной общественности) создавалась «стена отчуждения». Интерес ко многим, действительно выдающимся, работам («Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, «Византизм и славянство» К.Н. Леонтьева и др.) возникал только после

²⁹⁵ Панарин А.С. Помимо левых и правых: новые горизонты российского центризма // Политический центризм в России. М., 1999. С. 31.

²⁹⁶ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872–1891). М., 1996. С. 273.

²⁹⁷ Там же. С. 221.

²⁹⁸ Там же. С. 152.

²⁹⁹ Свобода, равенство, братство // Гражданин. 1873. № 36. С. 979.

смерти их авторов и носил научно-публицистический характер. Попытки «достучаться» до власти наталкивались на непонимание³⁰⁰.

Внутренний политический кризис был спровоцирован и внешнеполитической ситуацией начала XX в. Несмотря на наличие в консервативной среде целого ряда мыслителей-геополитиков (А.Е. Вандам, И.И. Дусинский, Ю.С. Карцов, Э.Э. Ухтомский, С.Н. Сыромятников и др.)³⁰¹, отличавшихся здравыми внешнеполитическими суждениями и прогнозами, единой программы по этому вопросу выработано не было. Основными направлениями внешней политики в консервативных концепциях в начале XX в. являлись:

1. поиск союзников в Европе (здесь в качестве желательного союзника вплоть до начала Первой мировой войны рассматривалась Германия; Англия оценивалась в качестве геополитического и экономического конкурента, а республиканская Франция в качестве возможного союзника). Война с Германией оценивалась многими консерваторами как самоубийственная для монархических режимов обеих стран. Такой настрой объяснялся еще и пониманием неготовности страны к большой войне;

2. по-прежнему актуальной, с точки зрения консерваторов, оставалась идея объединения славян, хотя нужно отметить, что результаты, достигнутые в ходе русско-турецких войн уже вызывали сомнения в необходимости этого для России;

3. война с Японией подтолкнула к разработке концепций, обосновывающих необходимость активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке. В этой связи приобретают актуальность идеи о развитии взаимоотношений России с Китаем, Кореей, Персией.

В преддверии, и после начала Первой мировой войны консерваторы, как лояльные верноподданные, не могли поступить иначе, как только следовать внешнеполитическому курсу, провозглашенному царем. События на фронте и в тылу развивались не лучшим образом и возможность поражения в войне, о которой все чаще задумывались монархисты, связывалась с неизбежностью новой революции.

Подводя итоги, отметим, что в начале XX века перед консерваторами стояла задача разработать политико-правовую модель самодержавной власти, но этот процесс так и не был завершен, когда общество уже отвернулось от

³⁰⁰ См.: Репников А.В. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века // Кто и куда стремится вести Россию?. Акторы макро-, мезо — и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 48–53; Лукьянов М.Н. Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых // Власть. 2010. № 7. С. 159–162.

³⁰¹ Подробнее см.: Репников А.В. Вандам Алексей Ефимович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. С. 84–87; Он же. Дусинский Иван Иванович // Там же. С. 167–170; Он же. Карцов Юрий Сергеевич // Там же. С. 226–229; Он же. Ухтомский Эспер Эсперович // Там же. С. 535–538; Репников А.В., Соловьев К.А. Сыромятников Сергей Николаевич // Там же. С. 502–506.

консерватизма в сторону более радикальных концепций. Соединить консерватизм и модернизацию тогда не удалось и все закончилось революцией.

Вопрос о существовании единой консервативной модели или же ряда таких моделей остается дискуссионным. Правильнее говорить о наличии в дореволюционной России целого ряда проектов выдвигаемых консервативными мыслителями.

В разных странах и разные эпохи консерватизм различен и нецелесообразно автоматически записывать в союзники всех, кто когда-либо и где-либо называл себя консерваторами. Эволюция идей и личностей показывает, что, вряд ли возможно раз и навсегда дать понятию «консерватизм» окончательное определение. Вместе с тем, можно выделить ряд признаков, в целом присущих системе консервативных ценностей в дореволюционной России:

1. Россия должна развиваться по собственному национальному пути, отличному как от западного, так и от восточного в политическом и духовно-нравственном аспектах;
2. идея сильной государственности; признание возможности проведения реформ в рамках существующей системы, при наличии критического подхода к заимствованию иностранного опыта;
3. необходимость сохранения целостности России, обеспечение ее военной безопасности;
4. проведение независимого внешнеполитического курса на международной арене;
5. признание незыблемости самодержавной власти;
6. усиление роли православной церкви в жизни страны;
7. восприятие общества как сложной корпоративной системы, стремление к сохранению общественной иерархии;
8. признание приоритета государства над обществом и общества над индивидом;
9. обеспечение экономической безопасности страны; требование учета специфики развития российской экономики и доминирования в ней аграрного сектора;
10. обеспечение социальных гарантий малоимущим слоям населения (в первую очередь, пролетариату) с целью предотвращения выступлений на социальной почве;
11. убежденность в несовершенстве человеческой природы и невозможности построения «земного рая»;
12. обеспечение сохранения и воспроизводства населения, рассмотрение семьи в качестве основы общества; создание системы мер, направленных на поддержание семей;
13. обеспечение культурной и духовной безопасности общества, приоритетное положение системы образования, сохранение исторических традиций и преемственности поколений;

14. критика радикально-революционных проектов (прежде всего, социализма).

Хотел бы обозначить и ряд тем, требующих дальнейшей разработки:

1. Что именно из опыта дореволюционного русского консерватизма может быть востребовано и реально работать в настоящее время, а что безвозвратно ушло в прошлое;
2. Существовал ли «советский консерватизм»? Если существовал, то в чем его сущность?³⁰²
3. Идея государственности, как объединяющее начало в консерватизме;
4. Экономические основы консерватизма в современной России. В чем они заключаются и в какой мере в этой сфере может быть востребован опыт консервативной мысли Запада (США, Великобритания и т. д.);
5. Проблема иерархии в консерватизме (к этой теме примыкает вопрос о формировании среднего класса);
6. Консерватизм как профессионализм и политический реализм;
7. Консерватизм и социальная ответственность;
8. Консерватизм как антибюрократизм.
9. Проблема создания позитивного имиджа консерватизма в обществе (у части населения консерватизм традиционно отождествляется с отсутствием развития, стагнацией и т. п.);
10. Проблема «отцов и детей». Существует ли она в консерватизме и как ее решать.

Консерваторы в России видели пути решения проблем, стоявших перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на исторический опыт постепенном эволюционном реформировании системы. Таким образом, главным «камнем преткновения» общественных течений России того времени был не вопрос о проведении преобразований или их отрицании, а вопрос о том, какими именно ценностями следует руководствоваться при осуществлении реформ, — должна ли модернизация России быть радикально-насильственной или же естественно-эволюционной. Консерваторы стремились обеспечить устойчивое развитие страны, сохранить ее политическую систему и национальную идентичность в новых условиях. Самодержавной России в силу ряда причин этого сделать не удалось, однако возможность сочетания консерватизма и модернизации существует.

В последние десятилетия, начиная с 1990-х годов XX века, в научном и политическом мире значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, хотя, безусловно, многое из того, что предлагали консерваторы на рубеже XIX–XX веков, кажется сейчас архаичным. Тем не менее, консерватизм не только остается предметом научных иссле-

³⁰² См.: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Камнев В.М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010.

дований, но и популярен в российской политике³⁰³. Особую актуальность обращению к консервативным концепциям вековой давности придают попытки популяризации дореволюционной консервативно-монархической традиции. Эти попытки были предприняты Н.С. Михалковым³⁰⁴, но заметного успеха они не имели, так и не оформившись в серьезный проект. Что касается широких слоев населения, то, как отмечал еще в 2000 году эксперт фонда Карнеги А. Рябов «...все усилия, имевшие целью выстроить новую политическую мифологию на образе дореволюционной России, и связанная с этим кампания вокруг Николая II оказались абсолютно безрезультатными. В обществе не нашлось слоев, способных такую мифологию воспринять»³⁰⁵. Исследователь А.М. Руткевич также считает, что «традиция консервативной мысли была у нас пресечена, а потому всякая реконструкция оказывается субъективной»³⁰⁶. Об этом пишет и современный историк В.С. Коновалов, отмечающий, что «при характеристике монархического лагеря, как, пожалуй, никакого другого, мышление историков сковывают не столько прежние идеологические стереотипы, сколько пока еще вседвоящее желание подогнать под одну общую оценку любые сложные, противоречивые, многомерные явления»³⁰⁷. К тому же идеализация императорской России часто вызывает у исследователей раздражение, ведь если мы обратимся к первоисточникам (в первую очередь, к архивным материалам, книгам, статьям, дневникам и эпистолярному наследию самих консерваторов), то увидим, что в среде консерваторов росли эсха-

³⁰³ См.: Радаев В.В. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 1. С. 289–320; Поляков Л. Либеральный консерватор. Именно таким представляется Владимир Путин, судя по его заявлениям // Независимая газета. 2000. 2 февраля; Библиотека Единой России. В 3-х кн. Кн. 1. Идеи; Кн. 2. Люди; Кн. 3. Действия. М., 2003; Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М., 2003; Дугин А.Г. Владимир Путин и консервативная революция // Российская газета. № 94. 20 мая 2003; Верховский А. Переформулированная свобода. «Новые консерваторы» убеждены, что ценности империи и нации важнее, чем уважение прав личности // Еженедельный журнал. 2004. № 23; Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России. Дисс. канд. полит. наук. М., 2007; Токтамысов С.Ж. Консерваторы в США и России на рубеже XX–XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007; Центр социально-консервативной политики. М., 2009. Вып. 9 (Российский консерватизм — идеология партии «Единая Россия»). С. 78–80; Шувалов Ю.Е., Посадский А.В. Российский консерватизм: ценностные основания и стратегии развития. М., 2010 и др.

³⁰⁴ См.: Иванова Е.В. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 166–170.

³⁰⁵ Есть ли будущее у российских консерваторов? // Независимая газета. 2000. 12 января.

³⁰⁶ Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., СПб., 1999. С. 16.

³⁰⁷ Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор / Автор обзора В.С. Коновалов. М., 1996. С. 42.

тологические предчувствия³⁰⁸. Американский исследователь Э. Таден отмечал, что модернизационные изменения значительно опережали теоретиков консервативной мысли, которые «не смогли понять, что в то время, когда они пытались сформулировать новую консервативную и националистическую русскую философию и внедрить ее в жизнь, славянофильские и консервативно-националистические идеи в России были подвержены процессу разложения»³⁰⁹.

В начале XXI века мы опять стоим перед «вечным» вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных принципов, что напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы «традиция и модернизация». Русский консерватизм, конечно, не является единственным спасением от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону «правых» и «левых» крайностей. Сегодня еще нельзя точно определить дальнейшие перспективы консерватизма в нашей стране, но можно определить новые приоритеты и ценности.